

A NEW TURN IN TURKEY'S FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST

Murtalibova M.M.

Lecturer, branch of FGBOU VO "AGTU"

In the Tashkent region of the Republic of Uzbekistan

Recently, Turkey's policy in the Middle East has undergone changes due to global and regional structural transformations, as well as changes in the domestic political arena. Changes in US engagement with the region, as well as the growing role of Russia, have forced Turkey to strike a difficult balance between the two. The AKP government, while distrustful of both sides and aware of the sharp divergence of interests with them on some issues, has tried to strike a balance in Syria as well as in Libya. In addition, Turkey is in fierce competition with the Saudi Arabia-UAE axis across the region. As a result, Turkey's new Middle East policy is characterized by heightened threat perception, zero competition with other regional powers, increased use of military force, risky behavior and a brinkmanship balance.

Keywords: Turkish foreign policy, Middle East, Iran, | Saudi Arabia, | UAE.

НОВЫЙ ПОВОРОТ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

Мурталибова М.М.

Преподаватель филиал ФГБОУ ВО «АГТУ»

в Ташкентской области Республики Узбекистан

Аннотация.

В последнее время политика Турции на Ближнем Востоке претерпела изменения в связи с глобальными и региональными структурными преобразованиями, а также изменениями на внутривосточной арене. Изменения во взаимодействии США с регионом, а также растущая роль России вынудили Турцию выполнить сложный баланс между ними. Правительство ПСР, хотя и не доверяет обеим сторонам и осознает резкое расхождение с ними интересов по некоторым вопросам, пыталось найти баланс в Сирии, а также в Ливии. Кроме того, Турция ведет жесткую конкуренцию с осью Саудовская Аравия - ОАЭ во всем регионе. В результате новая ближневосточная политика Турции характеризуется повышенным восприятием угрозы, нулевой конкуренцией с другими региональными державами, все более частым применением военной силы, рискованным поведением и балансом на грани войны.

Ключевые слова: Внешняя политика Турции, Ближний Восток, Иран, | Саудовская Аравия, | ОАЭ.

Турция провела четыре военные операции в Сирии за последние четыре года и две в северном Ираке с мая 2019 года подписала соглашение о разграничении морских пространств и военном сотрудничестве с признанным ООН Правительством национального согласия (ПНС) в Ливии, участвуя в интенсивной

конкуренции с и ось, возглавляемая Ираном, и блок Саудовское Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) участвовали в игре на баланс между своим традиционным союзником США и Россией в Сирии. Все это указывает на существенный сдвиг во внешней политике Турции на Ближнем Востоке. В то время как в первое десятилетие 2000-х Турция сосредоточивалась на возможностях в регионе, а не на угрозах, и взаимодействовала с Ближним Востоком, используя мягкую силу, экономическую взаимозависимость, роль третьей стороны и мягкое балансирование, в эпоху после 2011 года Турция начала выявлять больше угрозы и, следовательно, продемонстрировали большую склонность к использованию военных средств для борьбы с ними, став частью региональной поляризации, как материальной, так и идеальной. В анализе будет рассмотрен меняющийся характер участия Турции на Ближнем Востоке после арабских восстаний и особенно после 2016 года в меняющемся геостратегическом и внутреннем контексте. Он фокусируется на взглядах политической элиты Турции на меняющуюся среду безопасности в регионе, на их восприятии угроз и возможностей и на том, как они на них реагируют. Наконец, обсуждается, как объяснить новую внешнюю политику Турции на Ближнем Востоке. Восстания арабов 2010–2011 годов стали поворотным моментом для всего региона. С геостратегической точки зрения, Турция находится в регионе, изобилующем гражданскими войнами, усилением насилия, а также военным вмешательством региональных и международных игроков, многоуровневыми и сложными конфликтами, в которых участвуют государства и государства. государственные субъекты участвуют в бесчисленном множестве изменчивых союзов. Более того, это совпадает с периодом ослабления традиционных союзов Турции с США и ЕС. С другой стороны, внутри страны ближневосточной политике, проводимой правящей Партией справедливости и развития (АКР), мешает крах курдского мирного процесса (2014–2015 гг.) И возросшая озабоченность по поводу безопасности режима, особенно после неудавшегося переворота. попытка в июле 2016 года. На этом стратегическом фоне в анализе утверждается, что частое использование военной силы, риск и склонность к «одиночеству»¹ - Составные элементы «новой внешней политики» Турции - стали предпочтительным средством защиты интересов Турции на Ближнем Востоке, пересматривая роль Турции как по отношению к партнерам, так и по отношению к противникам, одновременно поддерживая безопасность режима и союзы внутри страны. Таким образом, новая внешнеполитическая доктрина АКР является продуктом сдвигов, происходящих как в геостратегическом соседстве Турции, так и параллельных изменений на внутреннем уровне. Тем не менее, это также отражает то, как политическая элита АКР прочитала и поняла эту новую среду, которая, в свою очередь, отразила ее идеологические наклонности, а также ее трансформацию. Восстания арабов изначально усилили в Анкаре надежды на возможность расширения влияния Турции в регионе. В конце концов, Турция, и особенно тогдашний премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, какое-то время были популярны на «арабской улице»² и сама АКП имела связи и близость с движениями «Братьев-мусульман», которые были хорошо организованы в оппозиции во многих странах, переживших восстание арабов. Поэтому была надежда, что расширение участия и более демократическое управление в арабском мире будет означать приход к власти правительств, которые установят более тесные связи с Турцией.

¹ Сонер Чагаптай, Империя Эрдогана. Турция и политика Ближнего Востока, Лондон, IB Tauris, 2019, стр. xvii.

² Несколько опросов общественного мнения, проведенных в этот период, показали эту популярность. См., Например, опросы турецкого аналитического центра TESEV, проведенные на Ближнем Востоке: Mensur Akgün и Sabiha Senyücel Gündoğar, Восприятие Турции на Ближнем Востоке 2013 г., Стамбул, TESEV, январь 2014 г., <https://www.tesev.org.tr/?p=14492>.

Правительство поспешило поддержать восстание в целом, а затем переходный период в Тунисе и Египте посредством экономической помощи, передачи опыта и политической поддержки. После избрания кандидата от «Братьев мусульман» Мухаммеда Мурси президентом Египта Турция заговорила об установлении «стратегического партнерства» с этой страной³ то, что раньше было невозможно, если бы оно было реализовано, могло бы существенно изменить баланс сил в регионе. Таким образом, ожидания Турции относительно ее будущей активной роли в трансформирующемся регионе были довольно высокими. Однако вскоре стало ясно, что восстания, за исключением Туниса, не приведут к преобразованию в сторону более демократического и основанного на широком участии управления, приведут либо к восстановлению авторитарного правления, либо, что еще хуже, к гражданским войнам в Сирии, Ливии и Йемене. Вызывая внешнее вмешательство и обостряя конкуренцию между региональными державами. Эти события после восстания выявили ограниченность Турции в ее стремлении к региональному лидерству и ее способность влиять на события по своему усмотрению. Особенно после свержения президента Мурси в Египте в 2013 году и быстрого превращения сирийского восстания в длительную гражданскую войну с участием региональных и вне региональных держав, турецкие политические элиты начали воспринимать события на Ближнем Востоке как в значительной степени представляющие новые угрозы национальной безопасности и региональным устремлениям Турции. Турция также пострадала от нестабильности на своих границах с Сирией и Ираком, включая крупномасштабные террористические атаки и массовые потоки беженцев

³ Энтони Шаид, «Турция прогнозирует союз с Египтом в качестве региональных якорей», в Нью-Йорк Таймс, 18 сентября 2011 г.,

При этом Турция стала непосредственно вовлеченной, в том числе в военном отношении, в продолжающиеся гражданские войны в Сирии и Ливии. В результате новая ближневосточная политика Турции начала проявлять следующие характеристики: усиление восприятия угроз и секьюритизация проблем, возведенных в категорию угроз национальной безопасности; включение в геополитическую поляризацию региона и участие в соревновании с нулевым результатом с другими региональными державами; более широкое использование военной силы, рискованное поведение и балансирование на грани войны; и предпочтение односторонних действий, нежелание полагаться на традиционные союзы, балансирование политики между крупными державами при стремлении к автономии. События в Сирии, которая разделяет с Турцией границу протяженностью более 800 км, считались крайне интересными. В первые годы сирийского кризиса основной целью Турции было свержение режима Башара Асада, и поэтому Анкара взяла на себя обязательство организовать и поддержать оппозиционные силы в политическом и военном отношении. Однако, особенно

после 2016 года, стратегические приоритеты Турции в Сирии изменились. Провозглашение «федеральной демократической системы» под названием Рожав сирийской курдской группировкой, Партией Демократического союза (ПДС) и ее союзниками на севере Сирии в марте 2016 г. привел к сдвигу в турецкой политике.⁴ Турция уже была обеспокоена укреплением контроля ПДС над курдским населением и ликвидацией соперничающих с ней курдских группировок в Сирии еще в 2012 году. Официальные лица ПСР публично жаловались на ПДС и ее связи с запрещенной Рабочей партией Курдистана (РПК) Турции, угрожая применить силу в случае необходимости.

4 «Конфликт в Сирии: курды объявляют федеральную систему», в Новости BBC, 17 марта 2016 г., <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-35830375>

В то время целью правительства было в основном убедить своих союзников по НАТО, особенно США, поддержать идею Турции о создании буферной зоны вдоль границы.⁵ Что еще больше усложнило ситуацию для Турции, так это то, что ДДС и ее вооруженная группа, Народные отряды защиты (YPG), стали главным союзником США и Европы в войне против так называемого Исламского государства Ирака и Сирии (ИГИЛ). боевые действия на земле в рамках «доктрины суррогатной войны» президента США Барака Обамы.⁶ В результате этого сотрудничества СДС / ОНС смогла расширить свой контроль за пределы трех курдских анклавов на севере Сирии, граничащих с Турцией, а именно Африн и Кобане в провинции Алеппо и Джазира в провинции Хассакех, все из которых СДС / YPG уже объявили «автономными администрациями». Тем не менее, недавно объявленный «регион Рожав», объявленный в марте 2016 года, расширился еще больше, включая также недавно приобретенные, в основном арабские и туркменские районы, захваченные YPG у ИГИЛ. Правительство Эрдогана, воспринимая эти события как прямую угрозу национальной безопасности Турции, сделало пресечение устремлений PYD в северной Сирии приоритетом номер один своей политики в отношении Сирии.⁷ Турция была также обеспокоена референдумом о независимости, проведенным Региональным правительством Курдистана (КРГ) в Ираке в сентябре 2017 года. Эти события, которые, казалось, указывают на усиление движения курдов в стремлении к политической автономии независимости, происходили на фоне распада. В мирных переговорах между Турцией и РПК в 2015 году и последующей повторной секьюритизацией курдского

5 Озлем Демиртас-Багдонас, «Чтение внешней политики Турции в отношении Сирии: построение ПСР идентичности великой державы и политика величия», в Турецкие исследования, Vol. 15, № 1 (2014), с. 142

6 Андреас Криг, «Экстернализация бремени войны: доктрина Обамы и внешняя политика США на Ближнем Востоке», в Международные отношения, Vol. 92, No. 1 (январь 2016), с. 103-107, <https://www.chathamhouse.org/node/19627>

7 Айшегюль Север, «Роль региональной власти и вмешательство: дело Турции в Сирии в 2000-х годах», в Современный обзор Ближнего Востока, Vol. 7, No. 2 (июнь 2020 г.), стр. 143-164.

вопроса внутри Турции. С тех пор, как и в 1990-е годы, политика Турции в ее ближайшем окружении в основном определялась курдским вопросом. До арабских восстаний правительство ПСР старалось развивать отношения со всеми региональными игроками и особенно не хотело участвовать в главном

соперничестве в регионе между Саудовской Аравией и Ираном. Однако напористые стратегии всех региональных держав после арабских восстаний привели к острой конкуренции между ними за власть и влияние, и на этот раз Турция также стала участником этой региональной поляризации. Поддержка Турцией движений Братьев-мусульман в регионе и ее стремление к региональной гегемонистской роли привели к ухудшению отношений с осью, возглавляемой Саудовской Аравией⁸ в которую входят в основном ОАЭ и Египет. Конкуренция между саудовское-эмиратской осью и Турцией разыгрывается в разных частях региона, но особенно в гражданских войнах в Ливии и Сирии, в отношении турецко-катарского сотрудничества в Персидском заливе и поляризации во внутренней политике Туниса. Обе стороны также участвовали в соревновании за усиление своего присутствия на Африканском Роге посредством политики экономической помощи и политическая поддержка в обмен на права базирования.⁹ В то время как конкуренция Турции с осью Саудовская Аравия и Эмираты распространилась на весь регион, ее борьба с Ираном, лидером другого полюса, ограничилась Сирией и в некоторой степени Ираком. В Сирии Анкара и Тегеран, соответственно, поддержали оппозицию и режим. Однако они не допустили, чтобы конкуренция в Сирии привела к полному разрыву существующих связей. Однако в период после 2016 г. возникли новые области разногласий. Ирану стало не по себе из-за военных операций

⁸ Нури Ешилташ, «Куда идут меж суннитские отношения на Ближнем Востоке? Турция и Совет сотрудничества стран Персидского залива », в Средиземноморский ежеквартальный, Vol. 29, No. 1 (март 2018), с. 19-35.

⁹ Зак Вертин, «Турция и новая борьба за Африку: османские замыслы или необоснованные страхи?», В Отчеты Брукингса, 19 мая 2019 г., <https://brook.gs/2HzNSSc>.

Турции в Сирии, в то время как Турцию беспокоила растущая активность Ирана и его ополченцев в поддержку режима в районах, близких к Турции. Тем не менее, несмотря на эти проблемы, две страны стали участниками процесса, инициированного Россией в декабре 2016 года, Астанинского процесса и связанного с ним механизма лидерских встреч на высшем уровне, Сочинского процесса, это было направлено на координацию отношений между тремя державами в Сирии и в Ираке несмотря, на наличие расходящихся интересов и соперничества за влияние, двум странам удалось избежать прямой и открытой конфронтации. Турция посчитала выход администрации Трампа в мае 2018 года из Совместного всеобъемлющего плана действий или ядерную сделку с Ираном «неудачным шагом» и продолжила диалог с Ираном, даже несмотря на то, что две страны столкнулись лицом к лицу в военном отношении на территории Идлиба в Сирии в 2020 году. В конечном итоге отношения Турции с Ираном продолжились по старому пути конкуренции и сотрудничества и таким образом, не превратились в игру с нулевой суммой, как это было в случае отношений Турции с осью Саудовская Аравия. Однако, параллельно с развитием событий в Сирии.

Заключение

После арабских восстаний 2010–2011 годов, но особенно после 2016 года, во внешней политике Турции в отношении Ближнего Востока произошли важные сдвиги как в дискурсе, так и в практике. Эти сдвиги произошли в контексте глобальных, региональных и внутренних преобразований, которые усиливали

друг друга. В некотором смысле внешняя политика Турции на Ближнем Востоке прошла полный цикл, когда вернулись дискурсы и политика 1990-х годов, в которых основное внимание уделялось угрозам, менталитету нулевой суммы и недоверию. Отличается идеология, лежащая в основе этой политики. Новым элементом ближневосточной политики Турции является постоянная игра в баланс между Соединенными Штатами и Россией, которую правительство ПСР использует, чтобы увеличить пространство для маневра. Наконец, в этот период ЕС стал менее актуальным для региональной политики Турции, тогда как отдельные государства-члены ЕС начали больше учитывать политику Анкары в отношении Ближнего Востока. В этом контексте, хотя отношения Турции с Францией ухудшились на фоне все более активного стратегического партнерства последней с ОАЭ, Анкара нашла возможности работать с Германией в контексте Сирии и кризиса беженцев, а также в Ливии или с Италией в случае Ливия. В целом Турция стала более активным игроком на Ближнем Востоке и более скептически относится к схемам регионального сотрудничества

Список литературы:

1. Менсур Акгюн и Сабиха Сенючел Гюндогар, Восприятие Турции на Ближнем Востоке 2013 г., Стамбул, ТЕСЕВ, январь 2014 г., <https://www.tesev.org.tr/?p=14492>
2. 2.Йылдыз Акташ и др., «Cumhurbaşkanı Erdoğan: Bugün dış politikası bağımsız bir Türkiye var» [Президент Эрдоган: Сегодня у нас независимая внешняя политика Турции], в Агентство Анадолу, 4 декабря 2019 г., <http://v.aa.com.tr/1664159>
3. Мустафа Акьол, «Как таинственный новый турецкий блог раскрыл разлом Эрдогана- Давутоглу», в Аль-Монитор, 3 мая 2016 г., <http://almon.co/2nhi>
4. Мелиха Бенли Алтунышик, «Болото Восточного Средиземноморья Турции», в Анализ политики MEI, 18 февраля 2020 г., <https://www.mei.edu/node/80885>
4. Мелиха Бенли Алтунышик, «Отношения Турции с Египтом и Саудовской Аравией: от надежд на сотрудничество до реальности конфликта», в Гёньюль Тол и Давид Думке (ред.), Стремящиеся державы, соперники в регионах. Турция, Египет, Саудовская Аравия и Новый Ближний Восток, Нью-Йорк, Институт Ближнего Востока, 2019, стр. 17-39, <https://www.mei.edu/publications/стремлящиеся-державы-региональные-соперники-турция-египет-саудовская-аравия-и-новый-средний-восток>.
5. Майкл Барнетт, «Израильская идентичность и мирный процесс: воссоздание немислимого», в Шибли Телами и Майкл Барнетт (ред.), Идентичность и внешняя политика на Ближнем Востоке, Итака / Лондон, Cornell University Press, 2002, стр. 58-87.
6. Сонер Чагаптай, Империя Эрдогана. Турция и политика Ближнего Востока, Лондон, IB Tauris, 2019.
7. Хакан Копур, «Взлеты и падения в турецко-американских отношениях в 2019 году», в Агентство Анадолу, 31 декабря 2019 г., <http://v.aa.com.tr/1688926>